

МЕСТНЫЕ ИПОТЕЧНЫЕ БАНКИ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА

Ю.Л. Грузицкий,

кандидат исторических наук, профессор кафедры экономической истории Белорусского государственного экономического университета

В условиях формирования в Республике Беларусь национальной банковской системы рыночного типа постепенно возрождаются специфические формы кредита, среди которых важное значение имеет ипотека - особый тип экономических отношений по поводу предоставления ссуд под залог недвижимого имущества. Трудное и медленное возвращение ипотечного кредита в банковскую практику вызывает необходимость обращения к важнейшим этапам истории его становления и развития в нашем государстве.

В конце XVIII в., с поэтапным вхождением Беларуси в состав России, на ее землях развернули свои операции три общеимперских казенных ипотечных учреждения: Государственный заемный банк, Санкт-Петербургская сохранная казна и Московская сохранная казна. Особое место в структуре феодального кредита занимали приказы общественного призрения - специфические ипотечные банки, название которых свидетельствует об их социальной направленности.

Приказы общественного призрения были учреждены в России указом Екатерины II от 7 ноября 1775 г. для попечения и «надзидания» за школами, богадельнями, больницами, приютами. С целью финансирования благотворительной деятельности им разрешались и банковские операции: привлекать средства во вклады, а также «отдавать деньги в узаконенные проценты на верные заклады» [1]. Приказы при образовании получали по 15 тыс. руб. от казны и находились в ведении Министерства внутренних дел. Условия пассивных и активных операций с 1802 г. у них были такими же, как и в Сохранной казне [2]. Первоначально ссуды предоставлялись на год с возможностью отсрочки, «не более 1000 р. и

не менее 500 р.» одному лицу. Свободные средства приказов, которые не удавалось разместить на финансовом рынке, направлялись в Государственный заемный банк для «приращения процентами».

После первого раздела Речи Посполитой (1772 г.) на территории Полоцкого наместничества был создан Полоцкий приказ общественного призрения, затем - Могилевский. С объединением в 1796 г. этих губерний в единую административную единицу некоторое время действовал Белорусский приказ. По окончании административно-территориального деления в начале XIX в. такие кредитные учреждения функционировали в каждом белорусском губернском городе.

В Витебске, Минске и Могилеве приказы учреждались на базе уже ранее действовавших таких финансовых институтов. Гродненский приказ приступил к операциям 8 ноября 1805 г. на основании решения Правительствующего Сената, а Виленский был учрежден «высочайшим» указом от 5 августа 1808 г. «на месте Госпитальной комиссии», губернского благотворительного учреждения, которой было приказано «по примеру учрежденного в Гродненской губернии приказа отпустить 15 тыс. руб. на сие заведение» [3; 4. С. 264; 5]. Приказы общественного призрения являлись местными банками и находились под контролем губернской администрации.

Архивные документы свидетельствуют, что отечественные приказы начали кредитные операции лишь в конце XVIII в. Приказ Полоцкого наместничества, действовавший с 1781 г., занимался преимущественно социальным обеспечением: школами, здравоохранением, а некоторое время - сбором таможенных пошлин [6]. Банковские же опе-

рации развернулись позже. Протоколы Белорусского приказа общественного призрения свидетельствуют: «20 января 1798 г. слушали прошение полоцкого помещика Гаспера Снарского по доверенности жены его Софии Снарской о выдаче им заимообразно на 1 год денег 500 рублей под заклад 13 мужских душ за вычетом процентов 25 рублей». Далее: «о предоставлении доказательства при займе помещиком Францем Малиновским 500 рублей, заложившим 13 душ, состоящим в Рогачевском уезде», об отсутствии запрета на залог его имения [7]. Из отчетов Могилевского приказа следует, что одна из первых ссуд в размере 2 тыс. руб. ассигнациями была выделена помещику Адаму Сильвановичу в 1799 г. [8]. Кредитоспособность заемщика и объемы ссуд определялись не размерами земельных владений или доходами хозяйства, а количеством крепостных крестьян мужского пола («ревизских душ»). Обеспечением кредита являлись не души, а поместья с прикрепленными к ним крестьянами, которые в случае непогашения ссуды подлежали продаже с торгов. Плата за ссуженную стоимость взималась при ее предоставлении.

Всего за первый, 1798-й, год финансовой деятельности Белорусский приказ предоставил 56 ссуд на общую сумму около 58 тыс. руб. В его расходной книге за этот период названа итоговая сумма выданных денежных средств - 73 тыс. 387 руб. [9]. Как видно, почти 80% средств приказа было направлено на кредитование местных помещиков и только пятая часть денег пошла на социальные нужды.

Особого внимания заслуживают ссуды под залог жилых кирпичных («каменных») домов, которые представляли собой фактически единственную активную операцию по кредитованию представителей недворянского сословия. Они получили широкое распространение в Витебске, когда в мае 1797 г. «обывателям города» был «всемилоостивейше» выделен целевой кредит в 100 тыс. руб., значительной по тем временам суммы, сроком на 8 лет на строительство домов. С 1798 до 1812 г. этот губернский приказ активно работал с клиентами по выдаче таких ссуд [10]. Но к 20-м годам XIX в. кредитование под городские постройки почти прекрати-

лось. Причина тому — сложности с оценкой строений и высокий риск потери таких залогов из-за пожаров.

Вместе с тем кредитование под залог городских строений ограничивалось и по времени, и по размерам ссуд, так как в основном разрешался лишь залог «каменных» застрахованных домов на срок не более трех лет. При этом размер ссуды определялся не оценкой заложенного здания, а лишь половиной суммы от его страховки [11]. Рыночные факторы, определявшие стоимость недвижимости, отсутствовали. Это порождало проблемы при реализации залога с торгов в случае невозврата ссуды.

В начале XIX в. обнаружилось, что продолжительность ссуд, ограниченная одним годом, явно не устраивала заемщиков, вызвала проблемы с их погашением и порождала, как свидетельствуют протоколы, приказов, постоянные «отсрочки». Поэтому с 1802 г. ссуды стали выдаваться на срок от 1 до 5 лет, несколько позже - до 8 лет, а с 1820 г. - до 12 лет. В 1824 г. МВД, по согласованию с Министерством финансов, ввел новые правила кредитования для приказов, определив продолжительность ссуд уже в 24 года.

Четко стал регламентироваться и размер кредита на одну душу. В 1816 г. для великорусских губерний он составлял 100 руб. ассигнациями, а для белорусских — 70 руб. [4. С. 293; 12]. Это расхождение объясняли тем, что в северо-западных губерниях еще не получило распространения обращение инфляционных бумажных денег - ассигнаций и сделки заключались преимущественно серебряной монетой.

Отечественная война 1812 г., прошедшая по белорусским землям, приостановила деятельность местных приказов. Но вскоре их операции возобновились, и эти финансовые учреждения стали обладать достаточными ресурсами для проведения активных операций. 25 мая 1816 г. по «высочайшему» указу «Малороссийским, Белорусским и Польским» приказам общественного призрения разрешили принимать в залог души «но 100 руб. ассигнациями, а серебром по курсу» за каждую. Кроме того, определялся порядок выдачи ссуд золотой и серебряной монетой для белорусских губерний, где

почти до середины XIX в. обращалась металлическая монета Речи Посполитой [13]. К 20-м годам XIX в. белорусские приказы сформировали капитал, позволявший им в определенной степени конкурировать и со столичными ипотечными банками (табл. 1) [14. С. 247–248].

Капиталы белорусских приказов общественного призрения на 1 января 1819 г.

Приказы	Собственный капитал		«Посторонний» капитал	
	ассигнациями	золотой и серебряной монетой	ассигнациями	золотой и серебряной монетой
Виленский	93 117	31 078	77 679	72 252
Витебский	89 430	33	77 487	6 201
Гродненский	89 237	24 820	19 924	17 666
Минский	49 173	51 539	194 622	14 931
Могилевский	513 976	13 782	293 420	17 620
ВСЕГО	834 933	121 252	663 132	128 670

Источник. Рассчитано по данным [14].

Как видим, белорусские приказы к началу 20-х годов XIX в. располагали значительными для того времени ресурсами. Внутренним являлся капитал Могилевского приказа, что предопределило его лидирующие позиции среди таких финансовых институтов в белорусском крае. Для сравнения: собственный капитал Санкт-Петербургского приказа на данный период составлял 908 400 руб. ассигнациями, Московского – 605 387 руб. [14].

Немалыми собственными средствами располагали и другие местные губернские банки белорусского края. При переводе по биржевому курсу серебряного рубля к ассигнационному 1:4 совокупный собственный капитал белорусских приказов общественного призрения превышал 1,3 млн руб. К тому же в балансах этих кредитных учреждений нередко присутствовала и золотая монета, котировавшаяся выше серебряной.

Состав собственных ресурсов приказов со временем был законодательно определен как капитал, состоящий «из сумм, пожалованных из казны; из остатков доходов над расходами; из пожертвований» [15]. Основным источником формирования собственного капитала являлась прибыль, получаемая приказами в результате различных операций.

Важным кредитным ресурсом приказов Беларуси стали и привлеченные средства, по банковской терминологии того времени – «посторонние» капиталы, превысившие на 1 января 1819 г. в пересчете на бумажные платежные средства 1,1 млн руб. (табл. 1), что позволяло им постепенно паразитировать объемы кредитования.

Таблица 1

Формирование пассивов шло преимущественно путем привлечения вкладов физических лиц и организаций. Условия депозитных операций были весьма выгодными: проценты начислялись по полугодиям, и на них тоже начислялись проценты. При такой организации сберегательного дела вклад под 5% годовых удваивался менее чем за 15 лет, а под 4% – менее чем за 18 лет.

В 1820 г. с целью снижения ликвидности привлекаемых средств проценты на вклады стали насчитываться только при условии их размещения в приказы на срок не менее трех лет. Депозиты, востребованные клиентами до этого срока, становились беспроцентными [16. С. 592–593]. Это позволяло приказам свободнее распоряжаться привлеченными ресурсами, активно размещая их в средне- и долгосрочные ссуды.

Выгодные условия приема вкладов предопределили их быстрый рост. Так, на начало 1829 г. в Витебском приказе, занимавшем далеко не лидирующее место по размаху операций, сумма вкладов превысила 300 тыс. руб. [17]. В итоге возникла проблема размещения привлеченных средств. Для ее разрешения активизировался процесс передачи средств в Государственный заемный банк для «приращения процентами», откуда они поступали в казначейство для пополнения бюджета.

Кроме того, пассивы приказов складывались и за счет различных казенных и других частных сумм: из безвозвратно вносимых капиталов с использованием на определенные благотворительные нужды только процентов («вечных вкладов»), спорных сумм, находившихся в судебных органах до вынесения исковых решений, штрафов и др.

В Могилевском приказе даже велась специальная книга о взысканиях, присужденных в его пользу: штрафах за бродяжничество, нарушения продажи спиртного, хулиганство, даже «за бранные слова в присутственном месте» и др. [18].

В начале XIX в. специфическим источником формирования пассивов приказов общественного призрения стал карточный откуп — продажа игральных карт, необходимого атрибута популярной тогда игры. В 20-е годы правительство разрешило этим кредитным учреждениям продажу рекрутских квитанций вместо поставки в армию новобранцев [16. С. 530-532; 19]. С выходом циркуляра МВД «Об отсылке остатков городских доходов в приказы для приращения в пользу городов» от 10 октября 1821 г. вместо их перечисления в казну приказы общественного призрения фактически превратились и в своеобразные муниципальные банки [20]. В балансах приказов теперь все вклады делились на три категории: частные, судебные и казенные.

В конце 1819 г. для приказов общественного призрения были определены четыре категории капиталов: 1) собственный, принадлежащий исключительно приказу; 2) вклады, «вносимые навсегда» или на срок, проценты с которых шли на благотворительные нужды; 3) средства, поступающие из «присутственных мест» на определенное время: апелляционные, на выкуп имений и др., проценты с которых до решения дел поступали в пользу приказа; 4) срочные вклады, вносимые физическими и юридическими лицами для сбережения и получения процентов. Денежными суммами первых двух категорий приказы могли распоряжаться относительно свободно, на две последние распространялись различные ограничения [21. Л. 15]. Вводилась и новая форма счетоводства, по которой все капиталы распределялись по категориям. Обращение к балансам приказов свидетельствует о четкой группировке капиталов.

Исходя из этого в 1826 г. были утверждены новые правила выдачи приказами ссуд. Кредиты сроком на 24 года без особых ограничений разрешались только из капиталов первых двух категорий, а из 3-й и 4-й категорий на такой же срок можно было разме-

щать в ссуды лишь 1/3 средств. Остальные 2/3, «для избежания затруднений в удовлетворении требований вкладчиков», допускалось «раздавать займы» всего на срок от 1 до 3 лет с возможностью пролонгирования до 8 лет [21. Л. 228].

В начале 1830 г. были пересмотрены условия ссудных и вкладных операций, определенных в 1824 г. Плата по займам снижалась с 6 до 5%, а их сроки для приказов увеличивались с 24 до 26 лет. Ссуды на 37 лет, разрешенные для других банков, на приказы не распространялись. Нововведение объяснялось тем, что прежняя ставка ссудного процента была достаточно высокой и вела «к сокращению доходов с недвижимых имуществ, упадку цен на сельскохозяйственную продукцию». На один пункт понижалась и норма депозитного процента — с 5 до 4% из-за «скопления вкладов без всяких употреблений» [22].

Кредиты теперь выдавались приказами в размере 150-200 руб. на одну «ревизскую душу» в зависимости от класса губернии. Белорусские губернии относились ко второму классу, по которому разрешалась ссуда на душу в 150 руб. В 20-50-е годы XIX в. в белорусском крае выдавались ипотечные ссуды (в среднем 6-9 тыс. руб.) под залог населенных крепостными крестьянами имений преимущественно на 26 лет.

К концу 20-х годов XIX в. ряд приказов существенно расширил свои операции. Поэтому в 1829 г. на содержание штатов Минского и Могилевского приказов в числе 17-ти других таких губернских учреждений «в связи с умножившимися занятиями и капиталами» было дополнительно выделено по 1 тыс. руб. [23. С. 3, 211]. К 1833 г. собственный капитал Могилевского приказа насчитывал около 200 тыс. руб., сократившись по сравнению с 1819 г., а его баланс составлял почти 800 тыс. руб., что позволяло этому губернскому банку сохранять лидирующие позиции [24]. Вместе с тем капиталы и прибыль Витебского и Гродненского приказов, как свидетельствуют источники, в это время были «ограничены».

Постепенно набирал силу и Гродненский приказ. На 1 января 1840 г. его собственный капитал составлял более 133 тыс. руб., а баланс — почти 280 тыс. руб. К началу

1850 г. размер его собственных средств превысил 285 тыс. руб., т. е. вырос более чем в два раза. К этому времени приказу удалось мобилизовать в качестве вкладов 946,7 тыс. руб., что позволило довести размер ссуд до 1 млн руб. [25]. Возникла необходимость расширения штатов и этого кредитного учреждения в связи «с увеличением занятий», повышения окладов его служащих [26]. Это позволило Гродненскому приказу общественного призрения, наращивая объемы кредитных операций, занять одно из ведущих мест среди белорусских ипотечных учреждений подобного типа.

Опасаясь нарушения приказами баланса между пассивными и активными операциями, правительство ввело определенные ограничения на размеры ссуд. В начале 1820 г. Сенат принял решение, согласно которому приказам, имевшим «капиталов собственных и посторонних» на сумму не менее 500 тыс. руб., разрешалось выдавать кредиты одному заемщику размером до 30 тыс. руб., а менее 500 тыс. руб. - ограничиваться 15 тыс. руб. [27]. Однако и до введения таких ограничений размеры ссуд белорусских приказов, как свидетельствуют документы, крайне редко превышали 15 тыс. руб.

По мере развития товарно-денежных отношений определенное внимание при оформлении залога на получение ссуды стало уделяться его оценке. К тому же немало ссудополучателей не могли своевременно погасить кредит, и возникала необходимость продажи залога с аукциона в погашение долга. В 1829 г. предписанием МВД определялась подробная форма описи имений с их экономической оценкой: «о доходах и выгодах» [23. С. 190-191]. Для северо-западных губерний эта процедура была проще, так как здесь составлялись так называемые «инвентари» - описания помещичьих имений и земельных наделов крестьян с их повинностями.

К середине XIX в. на приказы общественного призрения была возложена важная фун-

кция - организация сберегательных касс. В октябре 1846 г. распоряжением Госсовета разрешено открывать сберкассы при приказах, где «имелись в них необходимость и надлежащие условия». С 1849 г. приступили к операциям сберкассы в 38 приказах, в том числе и белорусских. В целом по империи в 1852 г. сумма вкладов в них по сравнению с 1849 г. почти утроилась, составив 490 тыс. руб. при среднем размере вклада в 41 руб. В Виленской сберкассе насчитывалось почти 52 тыс. руб., а в Витебскую, «несмотря на сделанные местным начальством распоряжения», до этого времени вкладов не поступило совсем. Однако к началу 1859 г. и в нее было внесено более 2,5 тыс. руб. [28]. Так приказы способствовали становлению сберегательного дела.

Накануне отмены крепостного права белорусские приказы общественного призрения аккумулировали немалые денежные средства, что позволяло им активно поддерживать помещичьи хозяйства заемными ресурсами. Приведенные в табл. 2 данные свидетельствуют о масштабах кредитования в пяти губернских приказах белорусского края [29].

В 1859 г., накануне отмены крепостного права, в белорусских приказах общественного призрения оказалась в залоге половина помещичьих имений северо-западного края из всех заложенных в ипотечных банках - 1499 из 3070, а также почти 20% «ревизских душ». Из 43,1 млн руб. долга помещиков белорусских губерний всем ипотечным банкам почти 7,2 млн руб. (16,7%) приходилось на приказы общественного призрения, тогда как в целом по империи этот показатель составил 12,7% [29]. Это говорит о более зна-

Таблица 2

Задолженность белорусским приказам общественного призрения на 1 июля 1859 г.

Губерния	Заложено имений, ед.	% к итогу	Заложено душ	% к итогу	Сумма долга, руб.	% к итогу
Виленская	242	16,1	24 014	17,2	1 226 497	17,0
Витебская	173	11,5	9 710	7,0	478 538	6,6
Гродненская	406	27,1	36 610	26,4	2 154 070	30,0
Минская	223	14,9	22 817	16,4	1 027 113	14,3
Могилевская	455	30,4	45 680	33,0	2 305 583	32,1
ВСЕГО	1499	100,0	138 831	100,0	7 191 801	100,0

Источник. Рассчитано по данным [29].

чительной роли приказов в северо-западных губерниях.

Относительно невысокая активность в выдаче ссуд наблюдалась в Минском и Витебском приказах общественного призрения - примерно пятая часть от задолженности всем белорусским финансовым институтам этого типа (см. табл. 2). Однако общая ипотечная задолженность дворянства этих губерний не уступала другим регионам белорусского края, так как крупные землевладельцы минщины и витебщины кредитовались в общеимперских ипотечных банках, в первую очередь в Санкт-Петербургской сохранной казне. В Витебском приказе общественного призрения, как свидетельствуют архивные данные, получали ссуды в основном мелко- и среднепоместные дворяне [30].

К концу 50-х годов XIX в. казенные банки, концентрировавшие почти все накопления денежных капиталов империи, вошли в полосу кризиса, вызванного прежде всего нарушением сбалансированности относительно краткосрочных пассивов с долгосрочными активами как по срокам, так и суммам: заемные средства привлекались преимущественно на непродолжительный срок, а размещались в долгосрочные ссуды. К тому же две трети поместий уже были заложены в банках, и ссудные операции стали сокращаться. Прирост вкладов, обусловленный развитием частного предпринимательства, бумажно-денежной эмиссией, опережал кредитные операции. Возможность казенных банков выплачивать проценты по заемным средствам стала проблематичной.

Срочно принятые меры (снижение процента по депозитам, попытки их обращения в долгосрочные займы через выпуск «непрерывно-доходных» билетов) вызвали массовый отток вкладов и переход многих вкладчиков со своими сбережениями в сферу акционерного капитала. Особенно тяжелое положение складывалось в приказах общественного призрения, не имевших широкого доступа к казенным финансовым ресурсам. В секретном циркуляре департамента государственного казначейства Министерства финансов, принятом в августе 1857 г., указывалось: «дабы не причинить остановки в производстве операций приказов общественного призрения на

случай усиления востребования вкладов, открыть приказам потребный кредит из казенных палат в каждой губернии» [31].

Однако ситуация стала необратимой. Общая сумма вкладов в казенные банки понизилась с 1276 млн руб. в 1857 г. до 970 млн руб. в 1859 г., а кассовая наличность - со 140 до 20 млн руб. [32]. Так, в Витебском приказе в 1859 г. остаток вкладов составлял более 900 тыс. руб., и на их частичную выдачу пришлось заимствовать в местной казенной палате 10 тыс. руб. [33]. Судьба крепостнических банков была предрешена. В апреле 1859 г. «высочайшим» повелением запрещался залог имений в государственных кредитных учреждениях [34].

Прекратившие активные операции приказы общественного призрения и другие казенные банки оставили на себе многомиллионную задолженность класса помещиков. Трудно найти зависимость между хозяйственными условиями губерний, уровнем их экономического развития и размерами ипотечной задолженности. В 1856 г. имперский министр внутренних дел В.С. Ланский с удивлением отмечал, что на саратовских помещиках числится банковских долгов «почти в такой же пропорции, что и в Витебской губернии, известной своим крайним расстройством и нищетой» [35. С. 203-204]. Созданный в том же году «Комитет по банковским долгам» в конечном счете определил, что «большее или меньшее накопление долгов находилось в прямом соответствии с большим или меньшим количеством льгот, рассрочек, пособий и ссуд, дарованных губерниям в разное время» [36]. То же самое можно заключить и в отношении белорусского края, где правительство неоднократно объявляло отсрочки погашения ссуд с различными льготами для Витебской и Могилевской губерний, имевших задолженность, превышавшую общеимперскую.

Есть основания говорить о значительно большей ипотечной задолженности белорусских губерний по причине сохранения почти до середины XIX в. кредитных отношений, базировавшихся на «старых традициях», в основе которых несколько столетий лежало древнее заставное право, кодифицированное еще средневековым Статутом 1588 г.

Но именно приказы с другими казенными земельными банками определяли «лицо» ипотечного кредита в белорусском крае. Поэтому возникает вопрос о роли данных финансовых институтов в экономической жизни феодального общества. В литературе, посвященной истории феодальных банков, утверждается, что рост задолженности помещиков в этих кредитных учреждениях способствовал разложению главного оплота докапиталистической формации - феодально-крепостнического землевладения [35. С. 194; 37]. Идущие в немалой степени на потребительские нужды, ссуды предполагали непроизводительное использование будущей феодальной ренты в капитализированном виде и вели к повышению текущей феодальной ренты, необходимой для их погашения, что ухудшало состояние хозяйства.

Эта характерно и для белорусских губерний. В 1859 г., когда ипотечные банки оказались в состоянии неразрешимого кризиса, витебский генерал-губернатор в донесении министру финансов П.К. Броксу сообщал, что на подведомственной ему территории экономически устойчивых помещичьих имений «весьма мало, большая часть обременена долгами. Почти безошибочно можно сказать, что имения дошли до такого состояния вследствие платежей, накопленных продолжительными ссудами». Причинами тому, подчеркивал губернатор, были, «с одной стороны, нерасчетливое употребление полученных ими денег, а с другой - неблагодарность, а нередко даже и намеренное [уклонение] от постепенного погашения займа» [38]. В это же время могилевский губернатор в своем отчете отмечал, что помещики, «будучи обременены долгами как казенными, так и частными, не имеют достаточно капиталов на издержки для ведения новой системы хозяйствования» [39]. Не лучше складывалась ситуация и в других белорусских регионах. Размер просроченной задолженности землевладельцев Минской губернии только местному приказу на 1 ноября 1855 г. превысил 94 тыс. руб. и был самым большим по всем 50 провинциальным приказам империи [14. С. 262-263].

Однако нельзя не учитывать и хозяйственную деятельность помещиков, связанную с внедрением и развитием рыночных

отношений в северо-западном регионе. В конце XVIII-XIX в. в белорусских землях получает развитие мануфактурное производство, в котором выделялась вотчинная промышленность. Уже в начале XIX в. здесь насчитывалось более 50 относительно крупных предприятий, которые имели до 200 рабочих, 45 из них принадлежали местным помещикам. К отмене крепостного права в Беларуси насчитывалось несколько сотен крупных предприятий. Появились первые фабрики, как, например, в местечках Хомск и Косово Гродненской области. Наибольшее распространение получили предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья. К концу 1850-х годов на белорусских землях работало 28 179 ремесленных, мелких капиталистических и мануфактурно-фабричных предприятий с 61 665 рабочими и объемом выпускаемой продукции на сумму более 21 млн руб. [40; 41].

Особенность промышленного переворота в северо-западных губерниях состояла в том, что владельцами мануфактур и фабрик были преимущественно помещики, имевшие доступ к заемным средствам казенных банков. Определенную роль в становлении местной промышленности сыграли и приказы общественного призрения. Накануне Отечественной войны 1812 г. имперское правительство предприняло попытки организовать суконные «фабрики» - местные мануфактуры под ведомством губернских приказов. Такое, хотя и маломощное, производство было начато в Могилеве, а также в Минске, где трудилось около 30 рабочих [42]. Несмотря на скромные результаты организации приказами мануфактур, можно положительно оценить их роль в развитии этой важной стадии фабричного производства.

При отсутствии кредитных учреждений в большинстве губернских городов приказы общественного призрения заполняли эту нишу, предоставляя банковские услуги местным органам власти на коммерческой основе. Так, в 1802 г. витебская городская дума получила кредит в местном приказе на 4450 руб. для решения хозяйственных проблем [43]. В 1828 г. министр внутренних дел дал согласие на финансирование строительства бани в Минске из средств приказа в размере 600 руб. серебром «заимообразно на

12 лет за указанные проценты» [23. С. 231]. В 1839 г. Могилевскому приказу было разрешено выдать ссуду на 6 лет губернскому правлению на устройство типографии в размере 5668 руб. [44]. Как видно, финансирование местных социальных программ не всегда являлось благотворительным и безвозвратным и в ряде случаев имело рыночный характер.

Крепостническая направленность кредитной политики феодальных казенных банков не позволяла размещать свободные капиталы в нарождающуюся купеческо-мещанскую промышленность и исключала возможность нормальной конкуренции между помещицей и капиталистической промышленностью. Поэтому городские мануфактуры, основанные на наемном труде, развивались медленнее по сравнению с помещицами. Обращение нарождавшихся предпринимателей недворянского сословия к частному ростовщическому кредиту существенно удорожало организацию мануфактурного и фабричного производства.

Вместе с тем приведенные и другие имеющиеся примеры свидетельствуют об использовании получаемых в казенных банках ссуд на развитие производственных отношений, формирование нового экономического базиса. Нельзя забывать, что в каждую историческую эпоху финансово-кредитная система соответствует той экономической основе, на которой функционирует общество. Поэтому в условиях господства феодально-крепостнического хозяйства не было предпосылок для развития коммерческого кредита, он так и не обрел законченных форм. Однако в недрах феодальной кредитной системы формировались и определенные зачатки капиталистического банковского дела.

Несомненно, приказы общественного призрения оставили свой след в истории отечественного кредита, заложили основы централизованного банковского дела, способствовали мобилизации свободных денежных ресурсов и предоставлению их во временное пользование как своим клиентам, так и государству, не имевшему другого такого надежного источника заимствований. Несмотря на феодально-крепостнический характер, эти финансовые институты постепенно выработывали механизмы и принципы органи-

зации как ипотеки, так и банковского дела в целом: оценка закладываемого имущества, порядок погашения ссуд, порядок взыскания ссуженной стоимости с неплатежеспособных заемщиков и др. Были заложены основы рынка ипотечных бумаг, складывался комплекс нормативных правил, регулировавших деятельность кредитных учреждений. Кроме того, они положили начало сберегательному делу, важной составляющей кредитной системы. Эти финансовые институты проводили, хотя и в ограниченных рамках, кредитование недворянских слоев общества - купцов, мещан, нарождавшихся предпринимателей. В этой связи можно говорить о периоде господства на финансовом рынке приказов общественного призрения как важном этапе перехода к появившимся вскоре рыночным ипотечным институтам, получившим развитие к концу XIX - началу XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Полное собрание законов Российской Империи* (ПСЗРИ). Собр. 1-е. Т. XX. 1775-1780. СПб., 1830. С. 271.
2. *ПСЗРИ*. Собр. 1-е. Т. XXVII. 1802-1803. СПб., 1830. С. 216.
3. *Национальный исторический архив Беларуси* (НИАБ). Ф. 2638. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.
4. *Хронологический указатель указов и правительственных распоряжений по губерниям Западной России за 240 лет - с 1652 по 1892 год* / Сост. и изд. СВ. Рубинштейн. Вильна, 1894.
5. *ПСЗРИ*. Собр. 1-е. Т. XXX. 1808-1809. СПб., 1830. С. 486.
6. *НИАБ*. Ф. 3381. Оп. 1. Д. 1-6.
7. *НИАБ*. Ф. 3348. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 9.
8. *НИАБ*. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
9. *НИАБ*. Ф. 3348. Оп. 1. Д. 2. Л. 7-21. Подсчеты автора.
10. *НИАБ*. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-23.
11. *Банки и другие кредитные установления в России и иностранных землях*. СПб., 1840. С. 212.
12. *НИАБ*. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 237. Л. 15 об.
13. *НИАБ в Гродно*. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1. Л. 51-53.
14. *Морозан В.В.* История банковского дела в России (вторая половина XVIII - первая половина XIX в.). СПб., 2004.
15. *Свод законов Российской империи*. Т. XIII. СПб., 1857. С. 23.
16. *Дополнения к своду Законов приказов общественногo призрения, составляющему втoрую*

часть сочинения об общественном призрении, изданного при Министерстве полиции в 1818 году. Ч. 3. Отд. 2. СПб, 1827.

17. *НИАБ*. Ф. 1297. Он. 1. Д. 4436. Л. 28 об., 29.
18. *НИАБ*. Ф. 2292. Он. 1. Д. 197. Л. 1-35.
19. *НИАБ*. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 32. Л. 228-231.
20. *НИАБ в Гродно*. Ф. 1. Он. 1. Д. 2295. Л. 1.
21. *НИАБ*. Ф. 2638. Он. 1. Д. 237.
22. *ПСЗРИ*. Собр. 2-е. Т. V. 1830. Отд. 1. СПб., 1831. С. 3-5.
23. *Продолжение дополнения к своду Законов приказов общественного призрения*, составляющему вторую часть сочинения об общественном призрении, изданного при Министерстве полиции в 1818 г. Отд. 1. СПб., 1831.
24. *НИАБ*. Ф. 1297. Он. 1. Д. 7349. Л. 121.
25. *НИАБ в Гродно*. Ф. 15. Он. 1. Д. 5. Л. 34, 57.
26. *НИАБ в Гродно*. Д. 4. Л. 209-213.
27. *ПСЗРИ*. Собр. 1-е. Т. XXXVII. 1820-1821. СПб., 1830. С. 28.
28. *Ламанский Е.И.* Статистический обзор операций Государственных кредитных установлений с 1817 г. до настоящего времени // Сборник стат. сведений о России, издаваемый статистическим отделением Императорского русского географического общества. Кн. 2. СПб., 1854. С. 302-303.
29. *Труды комиссии*, Высочайше учрежденной для устройства земских банков. Т. 1. СПб, 1860. Приложение I.
30. *НИАБ*. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 1485. Л. 7-9 об.

31. *НИАБ*. Ф. 333. Оп. 4. Д. 3035. Л. 1.
32. *Министерство финансов 1802-1902*. Ч. 1. СПб, 1902. С. 435.
33. *НИАБ*. Ф. 2638. Он. 1. Д. 1428. Л. 62 об.
34. *ПСЗРИ*. Собр. 2-е. Т. XXIV. 1859. Отд. 1-е. СПб, 1861. С. 360.
35. *Боровой С.Я.* Кредит и банки России (середина XVII в. - 1861 г.). М, 1958.
36. *Банковые долги и положение губерний в 1856 году* // Журнал Министерства внутренних дел. 1860. Февраль. С. 201.
37. *Гиндин И.Ф.* Банки и экономическая политика в России (XIX - начало XX в.). М, 1997. С. 492.
38. *Белоруссия в эпоху феодализма*. Сб. док. и матер. Т. III (1772-1860). Минск, 1961. С. 380.
39. *Документы і матэрыялы па геторыя Беларуси* Т. II (1772-1903). Мінск, 1940. С. 133.
40. *Экономическая история Беларуси* / Под ред. проф. В.И. Голубовича. Минск, 2001. С. 123, 125-126.
41. *Болбас М.Ф.* Промышленность Белоруссии 1860-1900. Минск, 1978. С. 93.
42. *Матэрыялы па геторыі мануфактуры Беларусх' у часы распаду феадалгзму*. Т. 2 (Статыстыка 1841-1864. Урадавыя мерапрыемствы 1793-1861). Мінск, 1935. С. XIII.
43. *НИАБ*. Ф. 2638. Он. 1. Д. 13. Л. 143.
44. *НИАБ*. Ф. 2292. Он. 1. Д. 7. Л. 1.

